

Может ли нефтегазовый сектор стать источником роста российской экономики?

В.Ю. КОНОНОВА, кандидат экономических наук, Институт комплексных стратегических исследований, Высшая школа бизнеса МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва. E-mail: kononova@icss.ac.ru

С.М. ЗАВЕРСКИЙ, кандидат экономических наук, Институт комплексных стратегических исследований, Высшая школа бизнеса МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва. E-mail: zaversky@icss.ac.ru

В статье рассматриваются особенности влияния нефтегазовой отрасли на развитие других секторов российской экономики. Показано, что это влияние сейчас сводится в основном к «донорству» – перечислению необходимых налоговых и иных платежей в бюджет, а межотраслевые связи с отечественными компаниями остаются слабыми. Все это не позволяет нефтегазовым компаниям стать источником роста российской экономики. Предложены приоритетные направления развития нефтегазового сектора, направленные на его активное включение в отечественную экономику, прежде всего путем развития нефте- и газохимических производств.

Ключевые слова: нефтегазовый сектор, переработка нефти и газа, нефтехимия, газохимия, межотраслевые связи, драйвер роста, цепочки создания стоимости

В 2000-е гг. в России высокие темпы экономического роста были в значительной степени связаны с расширением внутреннего потребления за счет экспорта дорогой нефти. Иными словами, «импульс» роста был создан нефтяными компаниями, получавшими все более высокие экспортные доходы на фоне расширения объемов добычи и повышения мировых цен на нефть. Возникает вопрос: могут ли эти компании в современных условиях снова стать источником роста российской экономики?

Существуют аргументы и «за», и «против». С одной стороны, нефтегазовый сектор, хотя условия его работы существенно изменились, остается одним из крупнейших в экономике нашей страны [1], даже в сложных условиях 2014–2015 гг. обеспечив более трети объема промышленного производства в РФ, около двух третей экспорта, треть сальдированного финансового результата организаций, а также почти половину доходов федерального бюджета [2, 3]. С другой стороны, этот сектор в дискуссиях

об источниках роста российской экономики рассматривается скорее как пример структурной диспропорции, поскольку он ориентирован в основном на экспорт сырья и продуктов его первичной переработки и получает относительно высокие доходы.

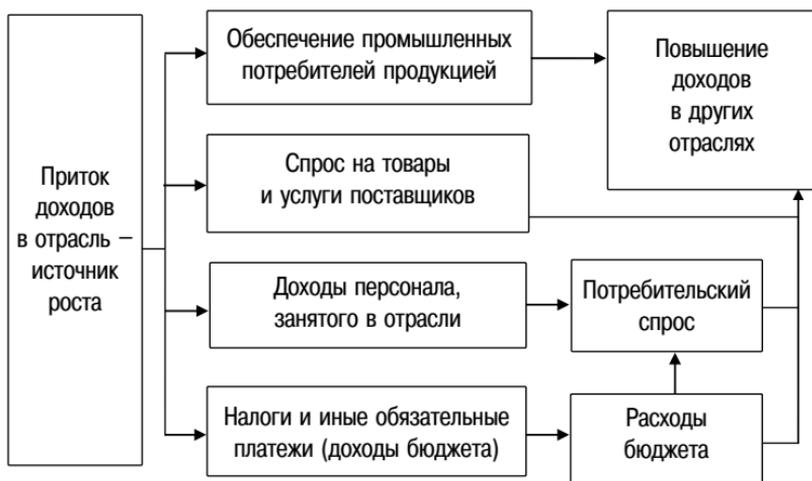
В связи с этим целью статьи стало выявление условий, при которых нефтегазовый сектор может стать источником экономического роста в России. Для этого был проведен анализ основных механизмов – драйверов, с помощью которых развитие одного сектора экономики может распространиться на другие ее отрасли, а также межотраслевых связей нефтегазового сектора России в современных условиях. Результаты анализа позволили предложить основные изменения в модели работы нефтегазового сектора, необходимые для реализации его потенциала как источника роста российской экономики.

Основные механизмы – драйверы экономического роста

В современной экономической литературе существуют разные толкования понятия «драйвер роста». В ряде работ этот термин выступает синонимом понятий «источник роста», «точка роста», «локомотив роста». В других работах подчеркивается отличие между «точкой роста» (источником, подающим «импульс роста») и «драйвером роста» (механизмом, обеспечивающим связь между источником роста и экономической системой) [4]. Мы будем использовать понятие «драйвер роста» во втором значении. Для нас представляют интерес те драйверы роста, которые применимы именно к промышленности как источнику роста.

«Импульс роста», заданный притоком доходов в отдельный сектор экономики, может быть распространен на другие с помощью нескольких механизмов (рис. 1). В секторах, включенных в промышленные производственные цепочки, импульсы роста в первую очередь распространяются на компании, относящиеся к «соседним» звеньям цепочки, а также на смежные компании – **промышленные потребители**, для которых распространение такого импульса роста связано с **обеспеченностью необходимой продукцией** (приемлемой по качеству и цене) для переработки или собственного потребления. Импульс роста также распространяется на **поставщиков материалов, оборудования, технологий, услуг**, поскольку на их продукцию возникает **дополнитель-**

ный спрос. Действие этих двух драйверов роста в дальнейшем распространяется на более широкий круг компаний посредством мультипликативных процессов.

Источник: составлено авторами.

Рис. 1. Драйверы роста экономики в результате притока доходов в отдельной промышленной отрасли – источнике роста

Кроме того, увеличение доходов может быть распространено через **потребительский спрос** сотрудников компаний растущего сектора экономики, а также через механизм **перераспределения доходов через госбюджет**, заключающийся в осуществлении бюджетных расходов (социальных, инвестиционных и т. д.) за счет более высоких налоговых и иных обязательных отчислений данного сектора. Последние два механизма также оказывают влияние на состояние компаний других секторов, однако это происходит через «посредничество» определенных групп потребителей или госструктур.

Результативность каждого из этих механизмов определяется различными факторами. Так, распространение импульса роста на покупателей и поставщиков зависит от того, какую роль в экономике играют покупатели и поставщики компаний-источников роста, являются ли они отечественными. Результативность распространения роста через доходы персонала компаний зависит

от численности занятых и уровня заработной платы в компаниях растущего сектора, бюджетного перераспределения – от величины налоговой нагрузки, структуры расходов бюджета и др.

Исходя из этой логики, рассмотрим, насколько значимы данные механизмы для распространения влияния нефтегазового сектора на развитие экономики России, включая в понятие «нефтегазовый сектор» операции по добыче сырья и далее по цепочке до его глубокой переработки.

Модель работы нефтегазового сектора и возможности его влияния на экономическое развитие России

В зарубежных исследованиях, посвященных влиянию нефтегазовых производств на развитие экономик, традиционно используется оценка особенностей их межотраслевых связей на основе межотраслевого баланса. Такой метод, например, применялся в исследовании Всемирного банка [5], где на основе межотраслевых балансов различных стран рассматривались связи нефтегазовых производств с потребителями, поставщиками и государственным сектором. Однако применение такой методологии для анализа российского нефтегазового сектора затруднено из-за отсутствия актуальных детализированных данных межотраслевого баланса (последние такие данные относятся к 2006 г.). В связи с этим были использованы альтернативные источники – балансы энергоресурсов, сведения об импорте товаров и услуг, связанных с нефтегазовым сектором, данные компаний-участников отрасли и государственных органов, а также аналитические работы, посвященные нефтегазовой отрасли.

Обеспечение промышленных потребителей России нефтегазовой продукцией

Ключевая особенность нефтегазового сектора России заключается в **преимущественном снабжении потребителей энергоресурсами, а не продукцией их глубокой переработки**. Значительная часть добытой нефти и природного газа направляется на экспорт, и лишь крайне малая часть используется на нетопливные нужды внутри страны (в их числе – производство нефте- и газохимической продукции) (табл. 1). Так, в 2014 г. на производство нетопливной

продукции в России было направлено только 6% добытой нефти, 5% добытого природного и попутного газа и 5% продуктов переработки природного топлива [6]. Несмотря на постепенное расширение выпуска продукции с более высокой добавленной стоимостью, принципиальных изменений в его структуре пока не произошло.

Таблица 1. Структура баланса энергоресурсов России по нефти, газу и продуктам их переработки, 2014 г., % к итогу

Направление использования	Нефть, включая газовый конденсат	Природный и попутный газ	Продукты переработки природного топлива*
Экспорт	43	27	47
Переработка в другие виды топлива / энергии	50	41	–
Конечное потребление	–	23	41
Производство нетопливной продукции	6	5	5
Прочее	1,0	4,1	7,1

* Включают данные о переработке нефти, газа и угля (на долю нефти приходится более 80% объема ресурсов)

Источник: расчеты авторов по данным Росстата.

Приведем еще ряд фактов, описывающих особенности продукции российских нефте- и газоперерабатывающих производств.

Нефтепереработка. Несмотря на модернизацию ряда предприятий, по данным Минэнерго, в 2015 г. глубина переработки нефти* в среднем по России составила 74,2%, что существенно уступает США (не менее 90%) и странам ЕС (не менее 85%). Лишь у отдельных российских НПЗ (предприятия ОАО «Лукойл», ОАО «АНК Башнефть», ОАО «Газпром нефть») глубина переработки нефти выше 80%. При этом на целом ряде производств (в том числе на так называемых «независимых» и мини-НПЗ) показатели глубины переработки существенно ниже [7].

Переработка газа. Значительная часть добываемого природного газа используется в энергетических целях при минимальной обработке, а большая часть попутного нефтяного газа (ПНГ)

* Глубина переработки = (объем переработки – объем производства мазута – объем потерь и топлива на собственные нужды) / объем переработки • 100%.

либо сжигается, либо перерабатывается с недостаточной эффективностью. По данным Минприроды, степень извлечения этана из природного и попутного газа в России в 2013 г. составляла 19%, а пропана и бутанов – 33–35% [8]. Что касается ПНГ, то лишь на некоторых предприятиях (например, заводы «Сибур Холдинг» и др.) степень его использования находится на уровне ведущих стран мира (не менее 95%), а в целом по России этот показатель в 2015 г. составил только 88,2% [7].

Нефтегазохимия. В последнее время продолжается развитие новых нефтехимических и газохимических производств [9, 10], однако по многим видам продукции объемы производства существенно отстают от потребностей внутреннего рынка, а по ряду позиций обеспечивают менее половины внутреннего потребления. Это касается не только высокотехнологичных, но и так называемых «базовых» видов химической продукции – например, крупнотоннажных полимеров, внутреннее производство которых в последние пять лет отстает от объема потребления на 20–30% [10].

Недостаточный уровень выпуска продукции глубокой переработки нефти и газа в России существенно ограничивает возможности влияния нефтегазового сектора на развитие экономики. «Импульс роста» по производственной цепочке в сторону потребителей распространяется медленно хотя бы потому, что в цепочках «добыча нефти и газа – их переработка – нефтегазохимия – выпуск промышленных материалов – производство конечной промышленной продукции» возникают разрывы, и часть их переносится на зарубежные экономики. Промышленные потребители нефтегазохимической продукции вынуждены использовать импортные материалы для своих производственных нужд (что сегодня – фактор роста издержек) либо заменять их иными (металл, бетон, дерево, стекло, натуральные волокна, натуральная кожа и др.), зачастую менее экономичными с точки зрения потребительских свойств. Результатом является, с одной стороны, высокая зависимость от импорта целого ряда видов нефтегазохимической продукции (табл. 2), а с другой – низкий уровень потребления такой продукции в России по сравнению с зарубежными странами. По оценкам Российского химического союза, потребление пластмасс в России составляет 46 кг на человека в год, а в странах ЕС и США – 130–150 кг [11].

Таблица 2. Доля импорта в потреблении основных продуктов нефтегазохимии в России в 2014 г., %

Продукция нефтегазохимии	% импорта
Полипропилен	10
Полиэтиленрефталат	13
Полистирол	16
Полиэтилен	26
Поливинилхлорид	35
Синтетические волокна*	43
Лакокрасочные материалы (неводные)	44
Ионообменные смолы	90
Силиконы *	90
Эпоксидно-диановые смолы	92
Акриловые полимеры *	94
Параформальдегид	95

* Данные за 2013 г.

Источник: данные Минэнерго, Минпромторга, Аналитического центра при Правительстве РФ.

Спрос нефтегазовых компаний на материалы, оборудование, технологии

Топливоно-сырьевая ориентация нефтегазового сектора приводит к тому, что **основным субъектом спроса на продукцию поставщиков выступают добывающие компании**, а спрос перерабатывающих имеет меньшие объемы. Это ограничивает возможности трансляции «импульсов роста» на поставщиков материалов, оборудования и технологий и в целом сужает спектр действия этого драйвера роста.

Дело в том, что компании, производящие сырьевую продукцию, из-за своего положения в «начале» производственной цепочки в меньшей степени предъявляют спрос на материалы, комплектующие и т. д., чем компании-интеграторы, обеспечивающие выпуск сложной технологической продукции. Так, в 2013 г. (последние доступные данные) доля промежуточного потребления (топливо, сырье, материалы, энергия и т. д.) в добыче нефти и газа составляла 30% выпуска, в то время как в целом по российской экономике – 51%, а в отдельных отраслях (производство электронного оборудования, резиновых и пластмассовых изделий, транспортных средств и т. д.) этот показатель достиг 70–85% [2].

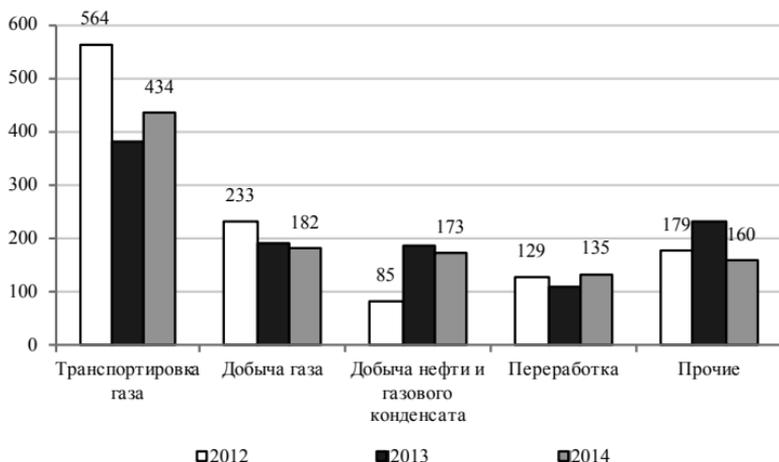
Вместе с тем наибольшие возможности влиять на развитие поставщиков из смежных отраслей имеют нефтегазохимические производства, являющиеся наиболее высокотехнологичной частью нефтегазового сектора. Так, по оценке Минэнерго, одно рабочее место в нефтегазохимическом комплексе обеспечивает поддержку еще 4,5 рабочих мест в смежных отраслях, а 1 руб. ВВП, созданный в этом комплексе, позволяет создать еще 1,9 руб. ВВП в других отраслях [12]. Однако в настоящее время объемы таких производств в России невелики, и они не могут оказать заметного влияния на развитие экономики страны.

Спрос компаний нефтегазового сектора России смещен в сторону оборудования, объектов инфраструктуры и технологий сырьевых производств. Так, наибольшая часть инвестиционных расходов нефтегазового сектора традиционно связана с инвестициями в основной капитал в сфере добычи сырой нефти и природного газа (рис. 2). Наибольшая часть инвестиций «Газпрома» направлена на обеспечение экспортных поставок газа и добычу сырья (рис. 3). Кроме того, инвестиции в перерабатывающие мощности также сконцентрированы на первичной переработке сырья. Например, из 126 установок для переработки нефти, запланированных к вводу в 2012–2020 гг., 95 относятся к неглубокой (так называемые «облагораживающие процессы»), и только 31 – к глубокой переработке нефти (11 установок каталитического крекинга и 20 – гидрокрекинга) [13, 14].

Источник: данные Росстата.

Рис. 2. Доля отдельных отраслей нефтегазового сектора в объемах инвестиций в основной капитал РФ, в 2010–2014гг., %

Источник: данные компании.

Рис. 3. Объем капитальных вложений «Газпрома» по направлениям в 2012–2014 гг., млрд руб.

Другой отличительной особенностью связей нефтегазового сектора с поставщиками является **значительная зависимость от импорта оборудования, технологий, а в ряде случаев – материалов и комплектующих**. В результате возможности нефтегазового сектора по влиянию на развитие отраслей-поставщиков оборудования и технологий сводятся к минимуму.

В **добыче нефти и газа** сохраняется существенная доля импортного оборудования и технологий, при этом наибольшая зависимость от импорта характерна для проектов, реализуемых в более сложных условиях. Так, доля импорта нефтегазового оборудования в России в последние годы составляет около 60%, а по отдельным видам оборудования и услуг, необходимых для нетрадиционных способов добычи нефти, превышает 80% [15]. Аналогичная зависимость характерна и для новых проектов добычи газа. Например, «Газпром» до введения санкций закупил оборудование для подводной добычи газа у американских компаний FMC Technologies, Cameron, GE Subsea и норвежской Aker [16]. Высокая зависимость от импорта сохраняется и в отношении нефтесервисных услуг, где доля иностранных поставщиков достигает 65–70% российского рынка, а отдельные виды услуг оказывают исключительно зарубежные компании [17].

В сфере **переработки нефти и газа** также сохраняется высокая зависимость от импорта, причем реализация проектов по модернизации таких производств только усиливает данную зависимость. В последние годы для ведущих российских НПЗ ключевую роль играет привлечение технологий по лицензиям ведущих зарубежных компаний – Chevron, Shell, Exxon Mobil и др. Роль российских технологий при этом в большей степени связана с модификацией отдельных процессов или усовершенствованием имеющихся установок крекинга [18].

«Технологическая зависимость» российской нефтепереработки влечет за собой потребность в импорте оборудования и используемых материалов. Иностранные компании – владельцы технологий не устанавливают обязательств по приобретению соответствующего оборудования у каких-то конкретных производителей, но определяют, каким международным стандартам оно должно соответствовать. Поскольку лишь часть российского оборудования удовлетворяет этим требованиям [19], отечественные производители в большей степени ориентированы на выпуск относительно несложных видов высокотехнологичного оборудования, узлов и агрегатов, обеспечивая 78–83% потребностей в менее сложном оборудовании (колонны, ректоры, емкости), а по более сложному, например, насосно-компрессорному, – менее трети [20].

Отдельную проблему представляет собой выпуск катализаторов, критически важных для нефтепереработки. Действующие российские мощности существенно отстают от потребностей НПЗ. Так, в 2014 г. доля импортных катализаторов для риформинга и крекинга составила 60%, а для гидроочистки нефтепродуктов и гидрокрекинга – 97% и 100% [7].

Аналогичная зависимость характерна и для проектов в сфере переработки газа. Например, при строительстве заводов по сжижению газа «Газпром» полностью зависит от оборудования таких компаний, как Air Products & Chemicals (США) и Linde (Германия). В перечне импортной продукции, рекомендуемой компанией «Газпром» для освоения отечественным производителям, около 30% позиций приходится на различные виды оборудования для сжижения газа [16], производство которого в России находится в начальной стадии развития [21, 22].

Следует отметить, что реализация проектов импортозамещения (в том числе связанная с введением санкционных ограничений на поставки ряда оборудования и комплектующих для нефтегазовых производств) потенциально способна расширить влияние нефтегазового сектора на развитие отраслей-поставщиков. Но замещение этого импорта в короткие сроки и с высоким качеством не представляется возможным. Например, согласно установленным Минпромторгом целям, доля импорта в нефтегазовом машиностроении сократится к 2020 г. только до 43% по сравнению с 57% в 2014 г. [15].

Распространение влияния сектора через потребительский спрос и перераспределение доходов через госбюджет

Действие первых двух драйверов роста (см. рис. 1) ограничено главным образом из-за преимущественно сырьевой ориентации нефтегазового сектора России. Это же можно сказать и о третьем драйвере – потребительском спросе со стороны персонала компаний нефтегазового сектора (это всего около 2% занятых, включая организации в сфере добычи, переработки и транспортировки нефти и газа) [2]. В результате, даже с учетом средней заработной платы, вдвое превышающей среднероссийскую [2], не приходится говорить о масштабном влиянии спроса персонала таких компаний на потребительский спрос в стране в целом.

В отличие от этого четвертый драйвер роста – перераспределение доходов нефтегазового сектора экономики через государственный бюджет – играет в современных условиях значимую роль. Так, доля нефтегазовых доходов в структуре доходов федерального бюджета в период высоких мировых цен на нефть превышала 50%, а в настоящее время хоть и сократилась, но составляет значимые 35–37% [3]. Однако при оценке влияния нефтегазового сектора на доходы бюджета следует учитывать не только выплаты НДС и вывозных таможенных пошлин на нефть, но и иные налоговые и социальные отчисления сектора, вносимые в бюджеты различных уровней и внебюджетные фонды. По нашей оценке на основе данных Федерального казначейства, ФНС и Росстата, в последние годы выплаты налогов и социальных взносов компаний нефтегазового сектора составляли 11–12% ВВП (для сравнения: доходы федерального бюджета РФ в последние годы эквивалентны 17–18% ВВП, а консолидированного бюджета – 33–34% ВВП). Следует учитывать, что еще

одной статьей поступлений в бюджет от нефтегазового сектора являются выплаты дивидендов крупнейшими госкомпаниями.

Вместе с тем сам факт «донорства» нефтегазового сектора по отношению к бюджету не означает, что эти компании прямо или косвенно финансируют проекты, связанные с развитием экономики. При высоких ценах на нефть значительная часть средств, выплачиваемых нефтегазовыми компаниями в виде налогов и иных обязательных платежей, подлежала переводу в нефтегазовые фонды. В настоящее время, когда этих поступлений недостаточно для обеспечения запланированных расходов бюджета, эти доходы направляются на осуществление разных расходов в рамках бюджета – от социальных до оплаты госзаказа. Соответственно, вопрос о характере влияния этих средств на экономику близок к вопросу о влиянии госрасходов на экономику.

Активизация потенциала нефтегазового сектора как источник роста российской экономики

Анализ показывает, что на данный момент **наиболее результативным способом распространения влияния нефтегазового сектора на развитие экономики является «бюджетный механизм»** – через выплаты налогов и иных обязательных платежей и их последующее перераспределение через бюджет (табл. 3).

Таблица 3. Оценка возможностей влияния нефтегазового сектора на развитие российской экономики

Механизм (драйвер роста)	Степень использования	Примечание
Обеспечение промышленных потребителей продукцией	Средняя	Выпуск продукции глубокой переработки сырья ограничен, промышленные потребители приобретают импортную продукцию или заменяют ее аналогами
Спрос на товары и услуги поставщиков	Средняя	Основной спрос связан с добычей и транспортировкой нефти и газа; высокая зависимость от импорта оборудования и технологий
Доходы персонала отрасли	Низкая	Низкая доля занятых в секторе не позволяет оказывать значимое влияние на потребительский спрос
Доходы бюджета	Высокая	Налоговые и иные обязательные платежи составляют значительную часть выручки нефтегазовых компаний

Источник: составлено авторами.

Следует отметить, что при сохранении текущих тенденций нефтегазовому сектору России будет все сложнее исполнять

роль «бюджетного донора». С одной стороны, снижение мировых цен на нефть, ухудшение минерально-сырьевой базы [23, 24] и другие вызовы могут привести к ограничению физических объемов добычи и экспорта сырья и существенно сократить приток нефтегазовых доходов в бюджет. С другой стороны, обсуждаемые сейчас реформы налогообложения нефтегазового сектора, направленные на стимулирование инвестиций (в том числе в проведение геологоразведочных работ и освоение новых месторождений), такие как замена НДС на налог на дополнительный доход или налог на финансовый результат [25, 26], могут улучшить ситуацию с объемами добычи, однако вряд ли приведут к существенному росту отчислений.

Реализация потенциала нефтегазового сектора как источника роста экономики требует принципиальных изменений его нынешней модели работы. Прежде всего это – развитие современных нефтегазохимических предприятий, которые смогут обеспечить широкий круг отраслей промышленности необходимыми материалами (полимерами, синтетическими волокнами и др.), а также сопутствующих производств – поставщиков оборудования и материалов для нефтегазового сектора (нефтегазовое машиностроение, производство катализаторов и т. д.). В этом случае будут созданы условия для восстановления на территории России производственных цепочек, через которые «импульс роста» со стороны нефте- и газодобывающих предприятий будет распространяться на другие отрасли.

Решение такой задачи, как представляется, требует стратегического подхода и не может быть достигнуто на уровне отдельных компаний (пусть даже крупных, с госучастием). В связи с этим изменения модели работы нефтегазового сектора должны быть инициированы в рамках **системы стратегического планирования РФ**, работа по формированию которой сейчас продолжается. При этом критически важно, чтобы задачи развития нефтегазохимических и сопутствующих им производств были не только декларированы в документах стратегического планирования (в принципе, большинство этих задач уже включено в Стратегию развития химического и нефтехимического комплекса до 2030 г. [27]), но и были приняты во внимание при разработке мер государственной экономической политики. Имеющийся опыт стратегического планирования показывает, что

обеспечение четкого соответствия между положениями стратегий и конкретными действиями властей играет важнейшую роль в достижении поставленных стратегических целей и задач [28, 29].

Кроме того, в рамках работы по формированию Стратегии социально-экономического развития РФ до 2030 г. представляется целесообразным при формулировании приоритетов отраслевого развития использовать концепцию цепочек создания стоимости, отражающую межотраслевые связи компаний. Это позволило бы рассматривать развитие отраслей в непосредственной связи друг с другом, выявить «провалы» в данных цепочках и сформулировать направления действий, необходимые для восполнения этих «провалов». В таком же ключе могут быть адаптированы и имеющиеся отраслевые стратегии (энергетическая, стратегии развития химического и нефтехимического комплекса, тяжелого машиностроения и т. д.), что также позволит улучшить связи между этими документами.

В соответствии с задачами восстановления цепочек создания стоимости в нефтегазовом секторе целесообразно реализовать ряд мер, непосредственно направленных на развитие высокотехнологичных перерабатывающих и сопутствующих им производств. Поскольку они могут быть созданы как в структуре существующих крупных вертикально интегрированных компаний (в том числе с государственным участием), так и независимо от них, необходимо задействовать сразу несколько механизмов развития новых производств. Надо проработать вопрос о включении инвестиционных проектов такого рода в инвестиционные программы крупных нефтегазовых госкомпаний. Наряду с этим требуется продолжить формирование рыночных механизмов стимулирования развития таких производств (кластерный подход, развитие индустриальных парков, локализация иностранных производств и т. д., запланированные в Стратегии развития химического и нефтехимического комплекса). Основной задачей разработки таких механизмов должно стать **создание привлекательных условий для реализации инвестиционных проектов с инновационной составляющей в нефтегазохимии и связанных с ней отраслях.**

Первоочередную роль здесь играет **стабильность условий ведения бизнеса** – в части как основных налогов и иных отчислений, так и административных процедур. Обеспечить такую

стабильность позволит заключение специальных соглашений с участниками приоритетных инвестиционных проектов. Пример такого механизма, уже реализуемого в российской практике, – специальные инвестиционные контракты (СПИК), оператором которых является Фонд развития промышленности (ФРП). СПИК, заключаемый на федеральном уровне, содержит гарантии неухудшения налоговых и регуляторных условий для участника контракта (на срок до 10 лет), некоторые льготы по амортизации имущества и налогу на прибыль, а также упрощенный доступ к системе госзаказа и льготы по аренде земельных участков (с сентября 2016 г.). К сожалению, этот механизм имеет скорее «точечное» применение. По состоянию на август 2016 г., на федеральном уровне подписан только один контракт и еще шесть находятся на стадии подписания [30].

Целесообразно продолжить работу по формированию **стимулов для развития высокотехнологичных производств**, в том числе в рамках нефтегазового сектора и связанных с ним отраслей. В частности, требуется расширить (и упростить применение) налоговых вычетов на НИОКР, а также ввести вычеты по налогу на прибыль для компаний, создающих высокопроизводительные рабочие места и финансирующих обучение персонала (в размере не более 2% выручки). Кроме того, для создания независимых высокотехнологичных производств (вне крупных холдингов) важно обеспечить доступность заемных средств для инвестиционных проектов с инновационной составляющей. Эта задача может быть решена как средствами денежно-кредитной политики (снижение процентных ставок по кредитам для бизнеса) [31], так и альтернативными методами предоставления доступных заемных средств для отобранных проектов, способствующих достижению целей развития экономики.

Как представляется, отбор таких проектов может проводиться аналогично действующим сейчас программам Фонда развития промышленности, где финансирование для прошедших отбор проектов предоставляется по ставке 5% годовых [30]. Вместе с тем применение данного механизма для реализации проектов в сфере нефтегазохимии требует увеличения лимитов заемного финансирования по сравнению с существующими условиями программ ФРП (текущие лимиты составляют не более 500 млн руб. на один проект).

Возможными источниками для реализации программ поддержки высокотехнологичных проектов могут быть бюджетные средства (например, за счет долгового финансирования дефицита бюджета) либо использование механизма рефинансирования займов Банком России (по аналогии с программой проектного финансирования, реализованной в 2015 г.).

Литература

1. Рейтинг крупнейших компаний России, 1999–2015 // Эксперт. URL: http://expert.ru/ratings/rejting-krupnejshih-kompanij-rossii-2015-po-ob_emu-realizatsii-produktsii/ (дата обращения: 20.06.2016).
2. Росстат, официальный сайт. URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 20.06.2016).
3. Министерство финансов РФ, официальный сайт, раздел «статистика». URL: <http://www.minfin.ru> (дата обращения: 01.08.2016).
4. *Иванова Л. Н., Терская Г. А.* Точки роста и драйверы роста: к вопросу о содержании понятий // Журнал институциональных исследований. – 2015. – Т. 7. – № 2. – С. 120–133.
5. *Tordo S., Warner M., Manzano, O., Anouti Y.* Local content in the oil and gas sector. A World Bank study. Washington DC. World Bank, 2013. URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/2013/01/17997330/local-content-oil-gas-sector> (дата обращения: 20.06.2016).
6. Баланс энергоресурсов РФ / Росстат, 2005–2014 гг. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/prom/en_balans.htm (дата обращения: 20.06.2016).
7. Министерство энергетики РФ, официальный сайт, разделы «деятельность», «статистика». URL: <http://minenergo.gov.ru> (дата обращения: 20.06.2016).
8. О состоянии и использовании минерально-сырьевых ресурсов РФ в 2013 г. / Государственный доклад. Министерство природных ресурсов и экологии РФ, 2014. URL: <https://www.mnr.gov.ru/upload/iblock/914/Report2014.pdf> (дата обращения: 23.08.2016).
9. *Кудияров С.* Рождение великана // Эксперт. – 2015. – № 39. URL: <http://expert.ru/expert/2015/09/rozhdenie-velikana/> (дата обращения: 30.06.2016).
10. *Колотова Д.* Радикальная полимеризация // Эксперт Урал. – 2016. – № 20. URL: <http://www.aceexpert.ru/archive/nomer-20-687/radikalnaya-polimerizaciya.html> (дата обращения: 30.06.2016).
11. *Иванов В.* Импорт изделий из пластмасс достиг 26% в структуре импорта химпродуктов / Российский союз химиков, апрель 2014. URL: http://www.ruschemunion.ru/news/lastest_news/id707.html (дата обращения: 20.06.2016).

12. Стенограмма совещания по вопросу развития нефтехимической промышленности 15 октября 2013 г. / Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://special.kremlin.ru/events/president/transcripts/19420> (дата обращения: 30.06.2016).
13. О модернизации нефтеперерабатывающих заводов / О ходе выполнения поручений Президента Правительству. Официальный сайт Правительства РФ. URL: <http://government.ru/orders/13970/> (дата обращения: 30.06.2016).
14. Модернизация НПЗ: в тисках санкций и налогового маневра // Нефтегазовая вертикаль. Технологии. 4. – Пилотный номер. – 2015. – С. 1–8.
15. Об утверждении плана мероприятий по импортозамещению в отрасли нефтегазового машиностроения Российской Федерации / Приказ Минпромторга РФ № 645 от 31.03.2015.
16. Годовой отчет ПАО «Газпром» за 2014 г. / ПАО «Газпром», 2015. URL: <http://www.gazprom.ru/f/posts/16/616270/gazprom-annual-report-2014-ru.pdf> (дата обращения: 20.06.2016).
17. Об утверждении плана мероприятий по импортозамещению в нефтеперерабатывающей и нефтехимической отраслях промышленности Российской Федерации / Приказ Минэнерго РФ № 230 от 31.03.2015.
18. *Бажанов В. А.* Производство нефтепродуктов, нефтехимические и химические производства в России: состояние, проблемы, прогнозы // Вестник НГУ. Сер.: соц.-экон. науки. – 2013. – Т. 13. – №4. – С. 86–96.
19. *Березинская О., Ведев А.* Производственная зависимость российской промышленности от импорта и механизм стратегического импортозамещения // Вопросы экономики. – 2015. – № 1. – С. 103–115.
20. *Кротова М. В., Комков Н. И., Сутягин В. В., Володина Н. Н.* Оценка стратегических альтернатив импортозамещения машиностроительной продукции и оборудования нефтегазового сортамента / В сб. трудов I международной конференции «Технодоктрина», ИНИОН, 2014.
21. *Мордюшенко О.* Газ рождает предложение // Коммерсантъ. – 2015. – 20 апр. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2705123> (дата обращения: 30.06.2016).
22. *Федорова Е. Б., Мельников В. Б.* Основные проблемы малотоннажного производства и потребления сжиженного природного газа // Труды РГУ нефти и газа имени И. М. Губкина. – 2014. – № 4. – С. 112–123.
23. *Заверский С. М., Киселева Е. С., Кононова В. Ю., Плеханов Д. А., Чуркина Н. М.* Тенденции и перспективы мирового рынка энергоносителей // Вестник МГУ. Серия 24 «Менеджмент». – 2013. – № 1/2.

24. Рекомендации «круглого стола» Комитета Государственной думы по энергетике «Воспроизводство минерально-сырьевой базы, включающее поиски и разведку новых месторождений нефтяных и газовых ископаемых для нужд народного хозяйства» / Утв. решением Комитета ГД по энергетике № 3.25–5/94 от 08.04.2015.
25. *Сечин И.* Мировые рынки углеводородов на развилке: сокращение инвестиций или управление рисками? // Стенограмма выступления на ПМЭФ 2016. URL: <https://www.rosneft.ru/upload/site1/attach/0/03/Vystuplenie.pdf> (дата обращения: 30.06.2016).
26. *Трунин И.* Налог на финансовый результат: льготы вместо стимулов к развитию / Министерство финансов РФ. Официальный сайт. URL: http://minfin.ru/ru/press-center/?id_4=33117&area_id=4&page_id=2119&popup=Y#ixzz4D4ZQXcKm (дата обращения: 30.06.2016).
27. Стратегия развития химического и нефтехимического комплекса на период до 2030 года. / Утв. приказом Минпромторговли РФ и Минэнерго РФ № 651/172 от 08.04.2014 г.
28. *Виханский О. С.* Стратегическое управление. – М.: Экономист, 2006. – 296 с.
29. *Заверский С. М., Киселева Е. С., Кононова В. Ю., Плеханов Д. А., Чуркина Н. М.* Стратегическое планирование развития экономики: мировой опыт и выводы для России // Вестник Института экономики РАН. – 2016. – № 2. – С. 22–40.
30. Фонд развития промышленности / Официальный сайт. URL: <http://frprf.ru/> (дата обращения: 25.08.2016).
31. *Заверский С. М.* Денежно-кредитная политика и условия ведения бизнеса в РФ // Вестник МГУ. Серия 24 «Менеджмент». – 2014. – № 1/2.